

Лян Сычжэ достал ключ, открыл дверь, и они вдвоём вошли внутрь. Цао Е сел на кровать у окна и посмотрел на Лян Сычжэ. По его лбу струился пот, блестящий в лучах заходящего солнца. Он снова вошел в образ паиньки, выглядя абсолютно безобидно:

— Гэ, ты должен помочь мне, когда приедет отец. Не говори ему, что меня здесь не было последние несколько дней.

Его живость, само его появление словно поменяло состав воздуха в комнате. Что именно изменилось Лян Сычжэ сказать не мог. Он чувствовал себя немного не в своей тарелке — живя в одиночестве он совсем отвык от компании. Но сказать, что ему было некомфортно, было бы не совсем правильно. Живость и обаяние Цао Е не давали испытывать к нему негатив, даже несмотря на ту глупую шутку по телефону.

Лян Сычжэ поставил гитару у стены и, выпрямившись, посмотрел на Цао Е:

— Ты нашёл кого-то, кто принёс тебе подушку той ночью?

— А? — Цао Е уже забыл об том звонке и вспомнил только после напоминания Лян Сычжэ. На его лице отразилась неловкость, которую он испытывал:

— Мой друг просто дурачился. Не слушай его глупости.

Не успел он договорить, как в дверь постучали. Цао Е смолк и умоляюще сложил руки, глядя на Лян Сычжэ: «помоги, пожалуйста!».

Лян Сычжэ открыл. На пороге стоял Цао Сююань, за ним Чжэн Инь. Распахнув дверь пошире, Лян Сычжэ сказал:

— Режиссёр Цао.

Цао Сююань был не в духе. Тем вечером дома у Лян Сычжэ он выглядел сдержанным и серьёзным, но сейчас явно гневался. Чжэн Инь вошёл следом, приговаривая:

— Говорил же, Цао Е будет вести себя хорошо, он здесь, те люди точно ошиблись... и бросив быстрый взгляд на сидящего на кровати Цао Е, обратился к нему: — Сяо Е, расскажи отцу сам. Чем ты занимался последние несколько вечеров?

Цао Е подыграл ему, с невинным видом сказав:

— Я никуда не уходил, всё время был здесь...

Не дослушав, Цао Сююань громоподобным голосом гневно рявкнул:

— Не нравится здесь — проваливай обратно!

Цао Е замер, а через мгновение взорвался:

— Ну и ладно, уйду! Думаешь, я хочу обратно? — выпалил он и кинулся к двери.

Чжэн Инь остановил его, схватив за руку, и тихо прошипел:

— Говори вежливо, твой отец специально приехал, чтобы увидеться с тобой.

— Специально приехал увидеться со мной? — Цао Е насмешливо фыркнул. — Я здесь уже месяц, а он только пришёл!

Лян Сычжэ наблюдал эту сцену от двери. Решив, что он здесь лишний, он вышел, прикрыв дверь. Цао Сююань, глядя на Цао Е, холодно сказал Чжэн Иню:

— Ты тоже выйди.

— Ох... — проходя мимо Цао Е Чжэн Инь шепнул: — Не спорь с отцом. Просто признай, что был неправ.

Дверь закрылась. В комнате остались только отец и сын, стоящие друг против друга. Цао Е отвернулся, его шея напряглась. Он не хотел смотреть на Цао Сююаня.

Цао Сююань спросил немного мягче:

— Где ты был в эти вечера?

Цао Е в этот раз не стал лгать и прямо сказал:

— В баре.

— В каком?

— Разве ты не знаешь? — Цао Е уже догадался, что произошло. Кто-то, должно быть, узнал его и сообщил Цао Сююаню, иначе бы он не примчался сюда в ярости.

Нахмурившись, Цао Сююань посмотрел на него:

— Сколько тебе лет, чтобы ходить в такие места?!

Цао Е быстро ответил:

— В чём разница между этим местом и тем баром?

— Я оставил тебя здесь, чтобы ты познакомился с этим стилем жизни!

Ответ Цао Е снова разозлил Цао Сююаня, и тот мгновенно вспыхнул ещё большей яростью и обрушился на Цао Е с упрёками:

— Думаешь, сыграть роль просто?! Легко быть актёром? Или, думаешь, я не знаю, что Чжэн Инь дал тебе копию сценария? Ты хоть страницу прочёл? Открывал его вообще? Дай его мне, я хочу посмотреть, какие усилия ты приложил!

Цао Е молча застыл перед Цао Сююанем. Каждый вопрос Цао Сююаня бил точно в цель: он действительно ни разу не взглянул на сценарий. Слова Чжэн Иня задержались у него в голове не дольше, чем утренний туман над рекой, исчезающий с первыми лучами солнца.

— Не думай, что раз я твой отец, эта роль автоматически твоя. На пробах ты будешь наравне с другими претендентами — никаких тебе поблажек и особого внимания. Да, Чжоу Жу писала сценарий, думая о тебе, но если ты не можешь воспользоваться даже такой хорошей возможностью, я не дам тебе шансов в будущем, — Цао Сююаня был холоден с сыном. Так сурово он не говорил ни с кем из своих актёров. — Беспольный Лю Адоу. Если не знаешь эту историю, попроси мать рассказать её тебе [1].

[1] этот переводчик объяснит вам всё лучше матери :)

Лю Адоу 劉阿斗 (liúādǒu) — разг. тряпка; растяпа, неудачник, лузер (по прозвищу правителя царства Шу, слабовольного Лю Чаня 劉禪 (liúchán) Слабый и некомпетентный император, полагавшийся больше на поддержку подчинённых. Его история породила ещё один чэньюй «веселясь, не думать о Шу» (樂不思蜀), образное выражение для обозначения ситуации, когда за весельем забывают о долге.

Цао Сююань вышел, не сказав больше ни слова утешения.

Переживая, что отец и сын поссорятся, Чжэн Инь всё это время оставался снаружи, прислушиваясь к разговору в комнате. Когда Цао Сююань произнес последнюю фразу, вена на виске Чжэн Иня запульсировала и разболелась, он подумал: «Как он мог сказать своему ребёнку нечто столь задевающее его самооценку...» Не успел он решить, стоит ли войти, чтобы смягчить обстановку, как Цао Сююань вылетел из комнаты, как из пушки.

— Юань-гэ... — сердце Чжэн Иня дрогнуло при виде сурового лица Цао Сююаня, но он всё же набрался смелости, удержал его за руку и мягко сказал:

— Не слишком ли ты суров? Сяо Е ещё ребёнок, что бы он ни натворил, тебе лучше вернуться и успокоить его...

Тут за их спинами раздался робкий голос с акцентом:

— Господа, не могли бы вы отойти в сторону. Я здесь, чтобы доставить еду...

Цао Сююань перевёл взгляд на курьера, и его брови сошлись ещё плотнее:

— Какую еду?

— Доставка. Каждый день... — увидев, что Чжэн Инь качает головой, подавая какие-то знаки, курьер инстинктивно смолк, не понимая, что происходит.

— Дайте-ка взглянуть, — Цао Сююань взял у курьера бумажный пакет и заглянул внутрь. Увидев изящно упакованные коробки с едой, он с силой бросил пакет в грудь Чжэн Иню.

— Каждый день ему носят вкусную еду, выделили лучшую комнату — это твой способ заставить его прочувствовать жизнь трущоб? — с этими словами он ушёл, унося с собой грозу.

Чжэн Инь пошатнулся и отступил на шаг назад под тяжестью коробки с едой, глядя вслед удаляющейся фигуре Цао Сююаня с громами и молниями над головой. Вздохнув, он сокрушённо посмотрел на разбросанную по полу еду и сказал доставщику:

— Быстро убери это, — а затем заглянул внутрь посмотреть, как там Цао Е.

Небо темнело, в комнате сгущались тяжёлые сумерки. Цао Е всё ещё стоял, не шелохнувшись, его грудь вздымалась и опускалась от гнева, как у молодого льва, готового к бою. Чжэн Инь был уверен: если бы Цао Сююань не был отцом Цао Е, тот непременно набросился бы на него с кулаками.

— Досталось твоему самолюбию? — Чжэн Инь подошёл ближе и заглянул Цао Е в лицо, пытаясь шуткой разрядить обстановку. — Только посмотрите на это маленькое лицо, пышущее гневом.

Цао Е проигнорировал его, боком рухнул на подушку и натянул на голову одеяло.

— Что случилось? — Чжэн Инь потянул одеяло за край. — Ты что, плачешь?

Цао Е, даже сейчас пытаясь сохранить лицо, обиженно пробубнил из-под одеяла:

— Кто плачет, тот сопляк!

Чжэн Инь улыбнулся и мягко сказал:

— Ладно-ладно, ты же знаешь своего отца. Когда злится, ни с чьими чувствами не считается.

Помнишь старика Юй Синя? Он ему в деда годится, а Цао Сююань отчитал его при всей съёмочной группе, как внука. Хочешь присоединиться к команде — привыкай к публичным поркам...

Цао Е угрюмо перебил его:

— Я не собираюсь присоединяться к команде.

— Говоря так, ты очень обижаешь меня, Цао Е. Из-за того, что я передал тебе сценарий и твой отец это обнаружил, я уже несколько дней пресмыкаюсь перед ним. Но заметь, узнав о таком нарушении, твой отец всё же не потребовал вернуть сценарий. Он даже рассердился, что ты его не читаешь — значит, хочет, чтобы ты снимался, не так ли?

— Я не стану сниматься, даже если он будет меня умолять, — укутавшись в одеяло, упрямо сказал Цао Е.

— Так теперь ты думаешь, что прав? На мой взгляд, это было бы ошибкой с твоей стороны. Ты мог пойти куда угодно, но выбрал гей-бар. Разве может пойти такой ребёнок, как ты, в подобное место? Я позвоню в полицию и пожалуюсь, пусть закроют это место.

— Нет, не надо! — услышав это, Цао Е откинул одеяло и вскочил, явив миру зардевшееся от нехватки воздуха лицо. — Это заведение старшего брата Линь Яня. Линь Янь взял меня только потому, что мне некуда идти. Я потеряю лицо, если ты это сделаешь!

Чжэн Инь облегчённо выдохнул, стараясь, чтобы Цао Е не заметил его радости. Поначалу он опасался, что Цао Е в гей-бар привели половое созревание и «не та» ориентация, но теперь стало ясно, что это не так.

— Тогда пообещай, что больше туда не пойдёшь, — потребовал Чжэн Инь.

— Не пойду туда, даже если мне заплатят! — пообещал Цао Е от всего сердца. С той ночи ему становилось не по себе, когда он вспоминал о том, как его рассматривали другие парни. Отвернувшись, он пробормотал:

— Я был там всего раз, как так получилось, что именно в тот вечер я попался на глаза вашим людям...

Чжэн Инь, успокоив Цао Е, побежал догонять Цао Сююаня. Он был готов к тому, что Цао Сююань уехал, бросив его здесь, но, спустившись вниз, увидел, что внедорожник всё ещё припаркован у входа в «Лазурную вечеринку». Цао Сююань сидел на пассажирском сиденье, хмурился и курил, выдыхая дым в открытое окно машины. Чжэн Инь с облегчением забрался на водительское сиденье и улыбнулся, пристёгивая ремень безопасности:

— Я думал, ты уехал без меня.

Цао Сююань успел остыть, пока ждал своего ассистента, и почти мирно спросил:

— Успокоил его?

— Думаешь, это так легко? Я всего лишь крёстный отец, настоящему отцу не замена. Ты действительно не пойдёшь с ним мириться?

— Нет, — решительно ответил Цао Сююань. Он успокоился, но всё ещё злился, — продолжай баловать его. Он и так испорчен, посмотрим, как она справится, когда начнет играть. Даже если ты вложишь миску риса ему в руку, возможно он не сможет её удержать.

— Это уже слишком... — Чжэн Инь продолжал защищать Цао Е, ведя машину. — Я не думаю, что это обязательно так. Сяо Е пока не встречал трудностей, но нельзя сказать, что он с ними не справится.

— Он и малейшего труда не выдержит, — отрезал Цао Сююань. — Ты видел, как мать заставляла его учиться игре на скрипке и что из этого вышло? Если актёр не может терпеть трудности, зрители не будут его поддерживать. Это естественный порядок вещей!

Чжэн Инь улыбнулся, но про себя подумал: «Разве нынешняя индустрия развлечений такова? Да целая куча актёров без труда получает лёгкие роли». Однако он не стал спорить с Цао Сююанем, а лишь сказал:

— Но люди его любят. Он нравится всем! Чжоу Жу только раз на него взглянула — тут же написала для него сценарий.

Цао Сююань холодно хмыкнул.

— И что в этом такого?

— В будущем он сможет привлечь широкую аудиторию, — мягко сказал Чжэн Инь, глядя на дорогу. — Юань-гэ, знаешь, способность нравиться людям — дар, который трудно найти. Ни у кого из нас его нет.

Цао Сююань неодобрительно проворчал:

— Хочешь, чтобы он стал в индустрии развлечений привлекательным куском мусора?

<http://bllate.org/book/12811/1130222>